

Оглавление

Часть первая. НАСЕЛЬНИКИ КУЩ

Глава 1. ПЕРВЫЙ ЗВОНК СУДЬБЫ.	7
Глава 2. ПРОКЛЯТИЕ ПСЕВДОНИМА	13
Глава 3. ЯЗЫК ВЕРОНИКИ.	20
Глава 4. ПЕСЬИ МУКИ.	25
Глава 5. АЛИСА В ЗАОРГАЗМЬЕ	35
Глава 6. АЛ ПУГ, ГЕН СИД И ПАТ СЭЛЕНДЖ.	41
Глава 7. ЖЕЛЕЗНАЯ РУКА	46
Глава 8. РЕЙДЕРЫ И НЕЗНАКОМКА.	52
Глава 9. ПРИЮТ СКИТАЛЬЦЕВ ДУХА	59
Глава 10. ТРИ ПОЗЫ КАЗАНОВЫ	68
Глава 11. ГИПСОВЫЙ ТРУБАЧ	72
Глава 12. ХЛЕБ ДА КАША — ПИЩА НАША	80
Глава 13. СОСЦЫ НЕАНДЕРТАЛКИ	91
Глава 14. В СЕМЕЙНОМ СТРОЮ	98
Глава 15. ЗАПАХ МУЖЧИНЫ	106
Глава 16. ПАН КАЗИМИР И ЕГО СЫНОВЬЯ	112
Глава 17. В ТОРСИОННЫХ ПОЛЯХ.	119
Глава 18. НАСЕЛЬНИКИ КУЩ	128
Глава 19. ГРИБ ОЛЕНИЙ — ДЛЯ ВСЕХ ПОКОЛЕНИЙ	134
Глава 20. ПАСЫНОК МИРОВОГО РАЗУМА	143
Глава 21. ТАЛОНЫ СЧАСТЬЯ	148
Глава 22. ОШИБКА ПАТ СЭЛЕНДЖ	155
Глава 23. ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН	160
Глава 24. ПРОРОЧЕСТВО СИНЕМОПЫ	170
Глава 25. КАК АНДРЕЙ КОКОТОВ СТАЛ ВОЖАТЫМ	176
Глава 26. КАК АНДРЕЙ КОКОТОВ СТАЛ МУЖЧИНОЙ.	185
Глава 27. КАК АНДРЕЙ КОКОТОВ НЕ СТАЛ УЗНИКОМ СОВЕСТИ	195

Глава 28. ИСТОРИЯ ПУРГАЧЕВСКОГО БУНТА	203
Глава 29. ТРИУМФ ТЕЛЕМОПЫ.	210
Глава 30. КОСМИЧЕСКАЯ ПЛЕСЕНЬ.	224
Глава 31. ОДНАЖДЫ В РОССИИ	233
Глава 32. ТИМУР И ЕГО ПОДПОЛЬЕ.	247
Глава 33. «ПОЦЕЛУЙ ЧЕРНОГО ДРАКОНА»	253
Глава 34. РАСТОЧЕНИЕ ТЬМЫ	261
Глава 35. НЕНАСЫТНЫЙ	270
Глава 36. ФЕНИКС ИЗ ПЕКЛА	275

Часть вторая. ИГРОВОД И ПИСОДЕЙ

Глава 37. КОИТУС ЛЕТАЛИС.	282
Глава 38. «ГИПТРУБ»	290
Глава 39. ПЕРВЫЙ БРАК НАТАЛЬИ ПАВЛОВНЫ	299
Глава 40. ЖЕЛЕЗНАЯ ТОНЯ	311
Глава 41. «СКОТИНСКАЯ МАДОННА».	321
Глава 42. ЖЕНЩИНА ЗА РУЛЕМ	330
Глава 43. ГОЛАЯ ПРОКУРОРША	337
Глава 44. МЯЧЕГОННОЕ РИСТАЛИЩЕ	346
Глава 45. ВОВА ИЗ КОВРОВА	355
Глава 46. ПРОФЕССИЯ — ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК	362
Глава 47. ПО ДОРОГЕ В ТРУПОЛЕЧЕБНИЦУ.	370
Глава 48. РЫБКА ПЛЫВЕТ — НАЗАД НЕ ОТДАЕТ	376
Глава 49. «НА ДНЕ»	387
Глава 50. ЧЕЛОВЕК-ДЛЯ-СМЕРТИ	395
Глава 51. ЧЕЛОВЕК-ДЛЯ-ЖИЗНИ	401
Глава 52. РАСЧИСЛЕННЫЙ ХАОС БЫТИЯ	413
Глава 53. СТАРЫЙ КОЗАК РОЗЕНБЛЮМЕНКО	423
Глава 54. ВТОРОЙ БРАК НАТАЛЬИ ПАВЛОВНЫ	430
Глава 55. ИГРОВОД И ПИСОДЕЙ	440
Глава 56. ГЛАВНАЧФУКС	448
Глава 57. СТЕПЬ ДА СТЕПЬ	455
Глава 58. СЛЕЗЫ ИМПЕРАТРИЦЫ	464
Глава 59. КТО ЖЕ ОТЕЦ?	473
Глава 60. МОПСЫ	481
Глава 61. ИЗ ИСТОРИИ УРЮКОВЫХ РЕВОЛЮЦИЙ	489
Глава 62. ЛЮБОВЬ И КАРТОШКА	500
Глава 63. НА СТЕРНЕ	513
Глава 64. ВТОРОЙ ЗВОНОК СУДЬБЫ	524
Глава 65. НИЧЕГО, КРОМЕ МОЗГА	532

Глава 66. ТАЙНА АЛИЗОНСКИХ РУН	540
Глава 67. ПОЛЬСКИЙ ВЕРМАХТ И ИПОКРЕНИНСКИЙ БЮВЕТ . .	546
Глава 68. НАЙТИ ЗВЕРЯ!	552
Глава 69. СТРАДАНИЯ НЕМОЛОДОГО КОКОТОВА	559
Глава 70. УБИТЬ ЧЕЛОВЕКА	565
Глава 71. ИЗГНАНИЕ ИЗ ЛЮКСА	573
 КАК Я ВАЯЛ «ГИПСОВОГО ТРУБАЧА».	 581

ОТ АВТОРА

Роман «Гипсовый трубач», который вы держите в руках, возможно, есть самое объемистое сочинение русской прозы за последние полвека. Если и не самое, то, во всяком случае, одно из самых. Персонажей в нем больше сотни, не считая героев первого ряда. Я даже поначалу намеревался дать «Трубачу» подзаголовок «ироническая эпопея». Но в итоге дал другой — «свободный роман». Действительно, впервые за сорок лет работы в литературе я не стал стеснять движение фабулы по принципу «чем короче, тем лучше». Я не резал, как строгий садовник секатором, боковые побеги повествования, позволяя залетным сюжетам вить на этих ветвях шумные грачиные гнезда. Речь идет о вставных новеллах, которыми усеян роман. Я не напоминал героям, что такие пространственные диалоги годятся скорее для драмы, нежели для прозы. А моих героинь не упрекал в том, что их исповеди, растянувшиеся на несколько глав, были бы уместнее на приеме у психотерапевта с сексуальным уклоном. Я смотрел сквозь пальцы на то, как «сиамские соавторы» Кокотов и Жарынин, сочиняя свой сценарий, начинали путать реальность с творческими фантазиями. Критика меня даже упрекала за то, что я, оторвавшись от жизни, слишком увлекся искусством, а точнее, тем мусором, которого всегда довольно в любой творческой мастерской. Ну что тут возразишь? Сошлюсь, как обычно, на Сен-Жон Перса. Он утверждал: «Искусство по своей природе гораздо ближе к жизни, нежели наука, а уж тем более — политика». Но так или иначе, мои персонажи, или, говоря по-школьному, «художественные образы» совершенно обнаглели и оторвались от первоначального авторского замысла. Впрочем, некоторые знатоки как раз в этом видят первый признак подлинной литературы.

А ведь я даже не собирался сердить критиков. Мне просто хотелось написать роман, который в любой момент под настроение можно снять с полки и читать, а лучше перечитывать, с первой попавшейся страницы, получая удовольствие от слов, играющих, как форель, в солнечном потоке сюжета. Я и сам именно так перечитываю любимые книги. Не знаю, получилось ли это у меня, решать читателям, они в литературе самые главные. Но согласитесь, пятое издание за семь лет — это не так уж и плохо для нашего заполошного времени, когда все устаревает, ломается или выходит из моды с обескураживающей скоростью; когда, чувствуя свежего лауреата какой-нибудь литературной премии, мы уже и не помним, кто получал ее годом раньше; когда переиздание современной прозы стало таким же бессмысленным занятием, как допечатка тиража позавчерашней газеты. А мои любимые герои — Кокотов и Жарынин — все еще продолжают бороться за справедливость, мучительно любить своих женщин и переделывать многострадальный сценарий, который кажется бесконечным, как жизнь, и обрывается так же внезапно, как путь, достигший обрыва. О, не пугайтесь! На самом деле «Гипсовый трубач» — очень веселая книга, в ней много забавных историй и приключений, острых метафор и сатирических выпадов против власть предержащих. Хотя поединок писателя с властью давно превратился в высокотехнологическое фехтование: ты едва коснулся чутким наконечником сатирической рапиры ее стеганого нагрудника, а вот уже взвыл победный сигнал и вспыхнул контрольный свет. И автору приятно, и сильным мира сего хоть бы хны.

А вообще-то, я бы сравнил нашу жизнь с черно-белым кино, где белое — это смех, а черное — слезы. Или наоборот... Сами решите, прочитав мой «свободный роман».

Юрий Поляков, июнь 2019, Переделкино

Часть первая

НАСЕЛЬНИКИ КУЩ

И даль свободного романа...

А. Пушкин

Эй, брось лукавить, Божья Обезьяна!

Сен-Жон Перс

И призраки требуют тела,
И плоти причастны слова...

О. Мандельштам

Глава 1

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК СУДЬБЫ

История эта началась утром, когда жизнь еще имеет хоть какой-то смысл.

Ранний телефонный звонок настиг Андрея Львовича Кокотова в належающей теплой постели. Он недавно проснулся и теперь полусонно размышлял о том, что разумные существа есть, вероятно, не что иное, как смертоносные вирусы, вроде СПИДа, которыми одна галактика в момент астрального соития заражает другую. После вчерашнего посещения поликлиники и одинокого вечернего пьянства он был невесел, мрачна была и его космогоническая полудрема.

Будучи по профессии литератором, Кокотов вяло прикинул, можно ли из этой странноватой утренней мысли вырастить какой-нибудь рассказ или повестушку, понял, что нельзя, — и погрустнел. А тут еще это внезапное телефонное беспокойство как-то нехорошо вспугнуло сердце, и оно забилося вдруг с торопливыми и опасными препинаниями. Встревоженный писатель с обидой подумал, что зря вчера не заглянул к кардиологу: сорок шесть — самый опасный мужской возраст, когда желания еще молоды, а исполнительная плоть уже не очень.

Телефон все звонил. Андрей Львович встал и, чувствуя во рту сухую несвежесть, побрел на кухню.

Впрочем, «звонил» — чересчур громко сказано. Все предразводные месяцы Кокотов и его бывшая супруга Вероника использовали аппарат так же, как старорежимные мужики — шапки, а именно: швыряли оземь в качестве последнего и непроверяемого доказательства своей правоты в семейном конфликте, которому давно стало тесно в двuspальной кровати. И если раньше после ослепительной ссоры Андрей Львович обычно закипал вождением и желал задушить жену в объятиях, то в последний год их близлежащего сосуществования он хотел ее просто придушить. И однажды целую бессонную ночь посвятил рассуждениям (конечно, чисто умозрительным) о том, куда потом можно было бы окончательно спрятать труп, чтобы не сесть в тюрьму. Перебрав вариантов двадцать, жестоких и небезукоризненных, он наконец додумался: надо купить в магазине «Ребята и зверята» аквариум со стаей пираний, очень модных в последнее время среди серьезной публики. И, как говорится, концы — в воду! Однако чешуйчатые людоедки, оказалось, стоили огромных денег! Тогда Андрей Львович, человек небогатый, замыслил написать про это рассказ, но не решился — из суеверия.

Начался же семейный распад с того, что у Кокотова появилось болезненное ощущение, будто в их спальне поселился кто-то третий, невидимый. И Вероника, прежде отличавшаяся веселой постельной акробатичностью, с некоторых пор превратила требовательно-изобретательный интим в редкие и показательно равнодушные супружеские телодвижения, словно доказывая этому неведомому третьему свою полнейшую незаинтересованность в брачных соединениях. А на мужа она стала посматривать с некой иронической сравнительностью. Так пляжная дама, проводив влажным взглядом загорелого атлета, с тоской возвращается взглядом к своему законному животоносу, приканчивающему восьмую бутылку пива...

— Коко, — объявила Вероника однажды утром за кофе, — я должна тебе сообщить одну важную вещь!

— Какую, Никó?

— Мы разводимся!

— Почему? — спросил Андрей Львович не из любопытства (он давно этого ждал), а скорее из чисто писательской привычки выстраивать диалог.

— Потому что ошибки надо когда-нибудь исправлять...

Развели их без осложнений: потомства они не завели (дети, как и пирани, стоили дорого), а на жилплощадь, книги и совместно нажитое имущество (если честно, смехотворное) Вероника не

покушалась. Эта бессребренная странность разъяснилась, когда они вышли из загса и бывшая жена, точно разнuzданная кобылица, потряхивая мелированной гривой, поскакала к белому глазастому «Мерседесу». На миг она обернулась, показала брошенному мужу длинный малиновый язык и, победно хлопнув дверцей, скрылась за непроглядными стеклами, исчезла во тьме новой светлой жизни.

А телефон все звонил...

На кухне царил то неприглядное бытовое разложение, какое часто встречается в домах безнадежных холостяков. На тарелке усыхала грубо расчлененная и недоеденная селедка, посыпанная одряхлевшими кольцами фиолетового лука. Чуть выгнулся, почерствев за ночь, забытый кусок черного хлеба. В бутылке еще оставалось довольно водки, что свидетельствовало о мужском одиночестве, пока еще не перешедшем в неутолимое пьянство. Аппарат фирмы «Тесла» был обмотан разноцветным скотчем и напоминал античную вазу, кропотливо собранную из кусочков. Он даже не звонил, а жалобно верещал из-под кухонной табуретки, словно принесенный с улицы мусорный котенок. Вечер Кокотов хотел от тоски и для познания жизни позвонить какой-нибудь телефонной возбудительнице, даже отчеркнул в рекламной газетке номер горячей линии «Ротики эротики». Но так и не собрался с духом. А зря! Дело в том, что у него появился любопытный сюжетец для нового романа из серии «Лабиринты страсти».

Сюжет такой. Он и она. Ромео и Джульетта. Роман и Юля. Сослуживцы. Работают в глянцевоm порножурнале «Афродизиак». И вот между ними по тайным законам влечения возникает чистое, светлое чувство — такое лишь иногда, очень редко, проникает в нашу жизнь, словно луч солнца в канализационный люк. Роман — фотограф: снимает «обнаженку». Юля — редактор: сочиняет письма, которые якобы приходят в «Афродизиак» от читателей, переживших острое сексуальное приключение.

Ну вот, например:

«Дорогая редакция! Это случилось в Италии, во время экскурсии к жерлу вулкана Санта-Лючия. Вся наша группа уже наслаждалась красотами kloкочущей преисподней и спускалась вниз. А мне — не знаю почему — захотелось остаться наверху и смотреть-смотреть вниз на inferнальные всполохи магмы. Вдруг я с ужасом и негодованием почувствовала, как чья-то требовательная конечность нырнула ко мне под юбку и нагло пыта-

ется проникнуть в мой собственный кратер, защищенный только ажурными стрингами, купленными перед отпуском в магазине “Дикая облепиха”. Я обернулась, чтобы отхлестать наглеца по лицу, но моя рука застыла в воздухе: это был Николай — самый юный, скромный и симпатичный член нашей тур-группы. Он смотрел на меня так робко, так нежно, так влюбленно...»

Тут Юля отрывается от компьютера и вспоминает, с каким ласковым сочувствием Рома смотрел на нее во время недавней планерки, когда пузатый шеф-редактор орал, предынсультно перекосив металлокерамический рот: «Запомните раз и навсегда: мы пиарим только “Мир белья”! У нас договор! Если я еще раз увижу в вашем тексте, Юлия Викторовна, хоть намек на “Дикую облепиху”, я вас уволю. Понятно?»

А Рома? Что Рома?! Он, сердешный, тщательно выставляет свет, чтобы поразвратнее запечатлеть свежесвыбритую фотошлюху, а сам тем временем томительно думает о том, как странно глянула на него Юля, проходя вчера по редакционному коридору...

— Попку чуть на меня! — командует он. — Нет, так много... Это уже не попка! — А сам изнывает от желания просто видеть Юлю, говорить с ней, смотреть в эти чистые голубые глаза...

Кстати, с невинными деликатностями зарождающегося чувства у Андрея Львовича было все в порядке. Он понимал и умел тонко описать, как внезапно рождается, расцветает и опадает лепестками разочарования внезапная симпатия к грустной пассажирке автобуса. А вот знаний о развратной стороне жизни ему, семейному до недавних пор мужчине, явно не хватало, что по-человечески, может быть, и хорошо, но с писательской точки зрения непроизводительно: ведь именно романами о «странностях любви» Кокотов зарабатывал себе на жизнь в самые трудные годы. Со звонка в «Ротики эротики» он полагал начать серьезное изучение сексуальных пределов гнусной действительности, но в самый последний момент, набрав шесть цифр, смалодушничал, передумал и, злясь на себя, сунул «Теслу» под табурет. Там он ее, без умолку верещащую, и обнаружил. Нагнулся и, чувствуя прилив крови к вискам, снял трубку.

— Я бы хотел побеседовать с господином Кокотовым! — потребовал густой мужской голос.

— Кокотовым, — привычно поправил Андрей Львович, ибо почти никто и никогда не произносил его довольно редкую фами-

лию правильно с первого раза. (Из трех вариантов ударения все почему-то выбирали именно тот, который придавал фамилии легкомысленный, даже блудливый оттенок.)

— В таком случае мне нужен господин Кóкотов! — заявил голос с раздражением.

— А кто его спрашивает?

— Жарынин.

— Кто-о?

— Кинорежиссер Жарынин. Слыхали?

— Слыхал, — полусоврал Кокотов. — Простите, имя-отчество только вот запамятовал...

— Дмитрием Антоновичем с утра был!

— Я вас слушаю, Дмитрий Антонович!

— А до этого вы меня, Андрей Львович, выходите, не слушали?
— Я неточно выразился. Очень рад вас слышать. Давний поклонник вашего таланта! — зачем-то подлизнулся Кокотов, мучительно соображая, почему фамилия режиссера показалась знакомой, если ни одного его фильма он вспомнить никак не мог.

— Будет врать-то! А вот я в самом деле прочел ваш рассказ в журнале «Железный век».

— Какой рассказ?

— А вы много рассказов напечатали в этом журнале?

— Один...

— Тогда не задавайте глупых вопросов! Я прочел рассказ про гипсового трубача.

— Вам понравилось?

— Кое-что есть, хотя в целом рассказ написан слабо.

— Вы считаете? — обидчиво улыбнулся Андрей Львович.

— Считаю.

— Зачем же вы мне звоните?

— Потому что по вашему сюжету я сниму хорошее кино!

— Мне трудно об этом судить...

— Почему?

— Потому что, Дмитрий Антонович, я не видел ни одной вашей картины! — поквитался Кокотов.

— Вы и не могли видеть. Вгиковская короткометражка «Толпа» не в счет. А единственный мой фильм «Двое в плавнях» смыли по решению Политбюро!

— Как смыли?

— Категорически! В знак протеста я ушел из кино! Но хлопнув дверью... Очень громко!